

Лев Наумов

Лауреат Царскосельской художественной премии

ГИПОТЕЗА ДЕДАЛА

Новая
проза

Лев А. Наумов

Гипотеза Дедала

Серия «Новая проза (РИПОЛ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43078341
Наумов, Лев. Гипотеза Дедала: РИПОЛ классик; Москва; 2018
ISBN 978-5-386-10734-5

Аннотация

Представления людей об окружающем мире от века строятся на догадках и гипотезах. Некоторые из них амбициозны, другие, напротив, поверхностны и неказисты. Разумеется, далеко не все оказываются истинными. Одни предположения отбрасываются и забываются без сожалений, иные, даже опровергнутые, невозможно вычеркнуть из памяти, поскольку они поражают красотой и изощрённой игрой ума. Впрочем, для конкретного человека всё сказанное редко имеет значение. Ему важнее другое: кто был счастливее? Тот, кто шагал по плоской Земле, лежащей на трёх китах, или же тот, кто до сих пор бродит по круглой планете, повторяющей свой путь в холодном космосе? Кого сопровождал бог, а кто совершает свой путь в одиночестве?

Книга прозы петербургского писателя Льва Наумова включает двадцать три рассказа: философские притчи перемежаются интеллектуальными новеллами, а метафизические сюжеты соседствуют с историческими фантазиями. Мир автора сложен,

ярок и динамичен, в нём нет почти ничего постоянного: честность сменяется предательством, вражда – дружбой, ненависть – любовью, уверенность – беспрестанными сомнениями. Единственное, что здесь можно смело принимать на веру, – это предположение, известное как гипотеза Дедала.

Содержание

Беседа 1	6
Режиссер	24
Гипотеза Дедала	47
Эхнатон	59
Ресторан	72
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Лав Наумов

Гипотеза Дедала

© Наумов Л.А., 2018

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2018

* * *

Беседа 1

Честно говоря, долгие годы я не мог взять в толк, отчего он запомнился мне так хорошо и отчетливо, ведь, казалось бы, мы не провели вместе и четверти часа. Да что там, и десяти минут не провели! Почему же тогда?.. Скажите, вот у вас задерживаются в памяти образы случайно повстречавшихся пьяниц? В последнее время их развелось так много, что удивляться подобному малоприятному столкновению не приходится. Более того, ведут себя такие субъекты совершенно предсказуемо и однообразно. Однако встреча с этим человеком бережно хранится в моем сознании вплоть до мельчайших подробностей. Возможно, причина состоит в том, что с самого начала и до сих пор я не уверен, пьян он был или нет.

Мы столкнулись в фойе лондонского отеля «Montague on the Gardens» в Блумсбери, где я остановился, будучи в командировке. Мое временное пристанище, расположенное в двух шагах от Британского музея, дарило мне ничуть не меньше радости, чем его сосед, для работы в котором я и приехал. Чего стоит одно только здание георгианской эпохи, которое занимала гостиница! Так что дни напролет я трудился в British Museum, штудирова экспозицию, изучая архивы и делая выписки для своего исследования, а вечерами возвращался в блистательное убежище некогда герцогского поме-

ства. Еще десять лет назад мне не хватило бы смелости даже мечтать о такой жизни, но должность и статус признанного профессора истории искусств сделали ее для меня нормой. Впрочем, до сих пор я не перестаю восхищаться этим, и каждое утро просыпаюсь преисполненным восторга и счастья.

Столкновение с этим человеком в фойе нанесло серьезный урон идиллии моего пребывания в Лондоне. Заметил я его не сразу. Прилично одетый мужчина средних лет вышел из лифта с явным намерением немедленно покинуть отель. Решающим для нашей встречи стало то обстоятельство, что мне выпало оказаться на траектории его движения, которую он совершенно не собирался менять. Незнакомец попал в поле моего зрения слишком поздно, когда уже находился буквально на расстоянии вытянутой руки. Мгновение, и он сбил меня с ног. От падения я спасся исключительно потому, что успел схватиться за стойку лобби-бара. Но этот хамоватый фат не отклонился ни на дюйм. Более того, ему хватило наглости молча выйти из гостиницы на Монтегю-стрит, даже не извинившись.

Недоуменное возмущение переполняло меня. Большинство находившихся возле стойки регистрации людей не обратили внимания на произошедшее или же, по обыкновению чопорных англичан, правдоподобно делали вид, будто ничего не заметили. Сей факт приумножал мое негодование. Лишь несколько человек с сочувственной улыбкой посмотрели на меня и развели руками. По всей видимости, это бы-

ли приезжие.

Будучи человеком по природе своей тихим, я натужно улыбнулся в ответ, но буквально закипал внутри. Оттого, наверное, отряхиваясь и поправляя воротник, даже не заметил, как оторвал несколько пуговиц на пиджаке и рубашке. Покаявшись самому себе, что при встрече непременно призову грубияна к ответу, прямым ходом я направился в ресторан, дабы растворить возмущение и недоумение в стакане виски, притом что обычно пил шерри.

Подспудно, разумеется, я был уверен, что никогда более своего обидчика не встречу, поскольку в противном случае данное обещание сулило еще одну неприятность, отвлекающую от моих вдохновенных художественных штудий. Но стоило мне только войти в ресторан, как сразу пришлось упереться взглядом в налетевшего на меня хама.

Это может показаться странным – по крайней мере, сам я удивился, – но первой моей эмоцией была самодовольная радость. Вот глупец! Ведь дверь ресторана находилась непосредственно возле лифта, тогда как пьяница вышел на улицу, обогнул здание отеля и воспользовался другим входом. Дуралей! Но, вспомнив о клятве, я загрустил.

Человек стоял у зеркала и что-то бубнил себе под нос. В отличие от инцидента в фойе, здесь он привлек уже достаточно внимания, а потому, прежде чем перейти к сатисфакции, я решил понаблюдать за ним, втайне надеясь, что у негодника возникнет конфликт с кем-то другим. Тогда мои

действия не покажутся ужинающей публике столь неожиданно вызывающими.

Прошло несколько минут. Он так и паясничал возле зеркала. Некоторые дамы смеялись над ним уже почти в голос, а господа показывали пальцами. К несчастью, я расположился слишком далеко, и потому до меня доносился скорее шепот трапезничающих, чем негромкие слова этого странного человека. Но возле моего обидчика пустовал столик, потому, набравшись смелости, я пересел поближе.

Теперь, с новой наблюдательной точки, мне было прекрасно слышно все, что он говорил. Более того, наконец удалось хорошо его разглядеть. Сам пьяница не обращал на меня никакого внимания, хотя, признаться, первые донесшиеся до меня слова я принял на свой счет.

– Ты что, наблюдаешь за мной? – сказал чело век, глядя в зеркало.

Видит бог, я чуть было не ответил и удержался лишь потому, что меня завораживали поразительно благородные черты его неглупого лица. Нет, если он и был сейчас пьян, то, определенно, для него это скорее исключение, чем правило.

– А зачем? – продолжал он, не дождавшись ответа.

Я вновь собрался что-то сказать, но внезапно справа зазвучал другой голос:

– К кому вы обращаетесь, сэр? Вы изволите говорить с самим собой?

Интонация была надменной и удивительно неуместной.

Рядом стоял констебль, за спиной которого нелепо улыбался администратор отеля.

Человек медленно повернулся к полицейскому, отвечая невозмутимо и серьезно:

– Но как же можно об этом не спрашивать?

– Каждый англичанин, – начал констебль размеренно и с улыбкой, – имеет право задаваться любыми вопросами. Но только, – он сдвинул брови и стал угрожающе серьезным, – до тех пор, пока на него не начинают жаловаться в полицию!

– Даже ты?

В английском языке только одно личное местоимение второго лица единственного числа, скрадывающее все мыслимые эмоциональные оттенки обращения к другому человеку. Но, черт возьми, я был там!.. Я слышал эти слова!.. Ничто в подобной ситуации не прозвучало бы более уничижительно, чем то сосредоточенное спокойствие, с которым говорил странный человек. Он будто бы продолжал беседу с собой, тогда как глаза его смотрели на констебля. Потому, если когда-нибудь этот разговор будет переведен на другие языки, то, несомненно, следует использовать местоимение, которое подчеркнет то пронзающее безразличие, каким наполнил свои слова пошатывающийся субъект.

– Так, сэр. Я вынужден...

Безучастно смотреть на происходящее более было невыносимо. Кроме того, моя отвага, проявлявшаяся преимущественно в присутствии блюстителей порядка, подсказывала:

если сейчас его арестуют, то о сатисфакции можно будет забыть.

– Простите! – прервал я полисмена. – Мой друг не в себе. Позвольте мне...

– Так это ваш друг, сэр? – поинтересовался констебль вновь весьма учтиво.

Человек резко повернулся ко мне, и тогда я увидел эти глаза... С одной стороны, в них не было ничего особенного, но с другой... Его взгляд был направлен в мою сторону, но смотрел он не на меня. Точнее, не так... Казалось, что в поле его зрения попадаю не только я, но и полисмен, а также администратор, ехидная улыбка последнего, ресторан, носившиеся по нему шепоты, запахи из лобби-бара, весь первый этаж отеля, весь отель, Блумсбери, Лондон, Великобритания, Европа, наша планета... Он смотрел, как никто другой. Я был потрясен настолько, что даже не отреагировал, когда едва не сбивший меня с ног впервые обратился именно ко мне:

– А если со мной что-нибудь случится, ты сможешь вмешаться?

– Сэр, так этот человек приходится вам... другом? – повторил констебль несколько витиевато.

– Ты вмешаешься? Я могу быть спокоен? – Мой недавний обидчик не унимался. На этот раз в его голосе появилась нотка отчаянной надежды.

– Ну, не то чтобы другом... – смущенно ответил я полисмену, в то время как неотрывно смотрел на дебошира.

– Но почему? – спросил последний обескураженно.

– Сэр, вы знаете этого человека? – На этот раз констебль опять сдвинул брови.

– Мы столкнулись сегодня... – промямлил я. – Он там был... Там было много людей...

– Ты что, наблюдаешь не только за мной? – спросил мой собеседник несколько растерянно.

– Ни за кем я не наблюдаю!.. – Впервые с моих уст сорвались слова, адресованные именно ему. Я попытался произвести их как можно более раздраженно, но возмущение мое было притворным, нелепой попыткой замаскировать то, насколько мне неловко находиться в этой ситуации.

– Чем же ты тогда занят? Ты делаешь что-то еще? – Его растерянное недоумение все заметно усиливалось.

Я замялся, не зная, что ответить. Этим, вероятно, дал полицейскому понять, что, в сущности, мы не были знакомы.

– Так, мне все ясно, – резюмировал констебль. – Сэр, я вынужден просить вас пройти со мной в кабинет администратора. – Он завел правую руку за спину дебошира, а левой указал в направлении двери и тем самым, не касаясь задержанного, увлек его к выходу из ресторана.

Уходя, полисмен смотрел себе под ноги, тогда как мой собеседник неотрывно глядел на меня. Точнее, в моем направлении. Кроме того, с меня не сводил глаз администратор с ехидным выражением лица. Его неприятная ухмылка внушала мне чувство вины.

Тут произошел нелепейший конфуз. Внезапно я почувствовал невесть откуда возникший зуд в носу. Странный человек начал говорить мне что-то еще, но в этот самый момент я громко на весь зал чихнул. Сквозняк ли, аллергия были тому виной, сказать трудно, но мой громогласный чих, а также последовавший за ним раскатистый смех в зале заглушили слова дебошира. Нарушителя спокойствия вывели из ресторана, а я так и не услышал последнюю реплику.

Прошло несколько минут, прежде чем во мне не проснулось непреодолимое желание, даже потребность догнать его, чтобы продолжить наш разговор. Точнее, попросту начать его, поскольку до этого я успел сказать лишь одну фразу, за которую мне теперь было стыдно. Определенно, следовало еще и извиниться...

Опомнившись, я поспешил в кабинет администратора, но не застал там никого. Не медля более ни секунды, я вышел на Монтегю-стрит, побежал по Бари-плейс, Блумсбери-уэй, Мьюзиум-стрит в направлении Ковент-Гардена. Мое преследование закончилось в саду на набережной Виктории. Преодолев около двух миль, я не встретил ни констебля, ни пьяницу. Впрочем, положа руку на сердце, с годами во мне не осталось сомнений, что он был совершенно трезв.

Прошло не меньше пятнадцати лет. Я женился на своей выпускнице, завел детей, обрюзг, мы с семьей дважды переезжали: сначала – в Голландию, потом – в Италию. В моей

жизни произошло слишком много такого, что никак нельзя было предвидеть тогда, в Лондоне. Но о странной встрече я не забывал, хоть с каждым годом думал о ней все реже. Так или иначе, память надежно хранила подробности того столкновения, а потому, если бы кто-нибудь попросил бы меня изложить случившееся, я сделал бы это с чрезвычайной охотой и точностью. Более того, был бы очень благодарен за такую просьбу. Однако рассчитывать, что кто-нибудь внезапно обратится ко мне с ней, не приходилось, ведь о том позорном инциденте в фойе я не рассказывал даже родным и ближайшим друзьям.

По воле случая мы с супругой – наши мальчики остались дома – оказались в Японии, в глуши острова Хоккайдо, где арендовали небольшую крестьянскую хижину. Жена ежедневно занималась натурной живописью, изображая здешние пейзажи и сцены из сельской жизни. Особенно ей удавался пахарь, идущий за плугом, которого она писала с нашего хозяина.

Я не отставал и тоже занимался искусством, правда, как обычно, в теоретическом его аспекте. Мы трудились днями напролет, она – над картинами, а я – над книгой, и каждый вечер после ужина обсуждали ее работы. Именно в ходе этих разговоров я обратил внимание на интересный феномен, состоящий в том, что наш хозяин всегда выглядел очень удачно на картинах супруги. А ведь она писала и других пахарей, не говоря уж о бесчисленном числе разных крестьян во множе-

стве обстоятельств их работы, но почему-то именно человек, у которого мы снимали дом, отличался насыщенностью цветов, уверенностью линий, правдоподобием поз и безотказно передаваемым ощущением тяжести и важности его труда.

Впрочем, заинтересовал он меня уже давно. Ходили слухи, будто наш хозяин некогда учился в школе, а то и в университете. Он был чуть ли не единственным образованным крестьянином в округе. Я нашел тому подтверждения – в его доме имелось несколько довольно новых, но уже читанных книг по лингвистике, психологии, химии и обществознанию. Его жена, очень простая и добродушная женщина, наверняка не владела грамотой. Спросить же ее об этом оказывалось затруднительно, поскольку, к сожалению, она была вдобавок немой. Малые дети тоже читать не могли, а играть с книгами им никто бы не разрешил – издания специально были расставлены на высоких полках. Так что в прошлом наш хозяин, по всей видимости, вовсе не ходил за плугом. Но что же с ним произошло? Размышления о его судьбе, признаться, частенько занимали меня в часы досуга.

Неплохо владея японским, я неоднократно пытался вызвать этого человека на разговор по душам, предлагал разделить со мной бутылку доброго вина или изысканные, купленные в городе яства. Но ни одна из моих попыток не увенчалась успехом. Праздным я хозяина никогда не видел, а работая в поле или по хозяйству, он не отвлекался, отвечал кивком или покачиванием головы, не поднимая глаз. Возможно,

пахарь даже не представлял себе, как я выгляжу, и это, признаться, беспокоило меня чем дальше, тем больше.

В то же время его жена жестами, по-простецки, постоянно расспрашивала меня о чем-то, находящемся либо за пределами моего понимания, либо вне сферы моих интересов. Уже на второй неделе нашего пребывания в Японии это начало изрядно докучать. А ведь шел третий месяц! Кроме того, хозяйские дети вели себя отвратительно. Они не давали мне прохода с самого первого дня, хватали мои книги своими грязными ручонками и мешали всеми мыслимыми способами. Я благодарил небо за то, что мы не взяли с собой наших мальчиков!

Особенно меня поражало и возмущало, что за все это время пахарю не пришло в голову ни сделать замечание жене, ни осадить своих нахальных отпрысков. Впрочем, вскоре я понял: все же они досаждают мне не так сильно, как безразличие хозяина.

Это не лезло ни в какие ворота! Часто ли у него останавливается интересный постоялец?! Если пахарь действительно образован, неужели его не занимает, отчего я не ухожу далеко от дома, а только пишу и читаю, отчего пребываю в задумчивости, отчего взгляд мой пространен... Ладно, пусть не моя работа, но хотя бы тот далекий мир, из которого мы пришли в его дом, должен же вызывать любопытство!... Должен!

Я начал пытаться спровоцировать интерес пахаря, остав-

ляя на столе книги, открытые на страницах с умопомрачительными иллюстрациями, преисполненными таинственных образов. Решил сильно душиться, курить ароматные сигары за столом, напевать новомодные песенки, чтобы для начала если не привлечь внимание, то вызвать недоуменное возмущение. Однако и это не привело к желаемым результатам. Тогда я принялся самостийно помогать ему. Моя жена заходилась от смеха, когда ее супруг, всю жизнь стремившийся избегать быта, сам убирал на кухне после обеда. Потом я принялся готовить для его семьи. Увидев, что прохудилась бочка во дворе, залатал ее смолой, равно как и течь в крыше, поправил колесо телеги, дверь амбара, починил грабли. Безвозмездно, не ради корысти я совершил множество добрых поступков, а он будто специально не поднимал глаза на все мои дела.

Можно было предположить, что пахарь нем и подслеповат, но память подсказывала, будто мы обменялись парой фраз по прибытии. Впрочем, давность этого эпизода и однообразие моего существования привели к тому, что я уже не мог утверждать с уверенностью, было ли это на самом деле или нет. Что до зрения, то ловкость и темпы работы этого человека в поле доказывали – он видит прекрасно.

Казалось, все приводит к единственному выводу, что хозяин нарочно и демонстративно не обращает на меня внимания. Но разум требовал подтверждений, потому в один прекрасный день я снова решился вызвать его на прямой разго-

вор и не отступать, пока он не ответит.

Пахарь с раннего утра был в поле. Проснувшись за полночь, мне удалось собраться к нему только днем, после, по обыкновению, позднего завтрака. Незадолго до ухода я попытался жестами объяснить его жене, что мог бы отнести ее супругу обед, но мои тщетные попытки привели лишь к тому, что она сама начала варить суп для нас. В раздражении, отчаянии и с пустыми руками я отправился налегке в свой путь по солнцепеку.

Прежде мне не приходило в голову, сколько придется идти. Для меня стало неожиданностью, что хозяин распахал все земли в радиусе, как минимум, двух миль от дома. Причем, насколько я, городской житель, мог судить, ни одно поле не было засеяно. Проходя вслед за плугом, он оставлял борозду пустой, и никто другой тоже не клал в нее семени. Это казалось странным.

– Можно ли поговорить с вами? – от нетерпения выкрикнул я еще на подходе.

– Да, – неожиданно ответил хозяин, причем спокойно и тихо, будто совсем не был удивлен моему появлению.

Любой бы на его месте предположил, что раз постоялец пришел, то, вероятнее всего, дома случилась беда. Этот же и ухом не повел, но, по крайней мере, остановился. Положим, моя улыбка исключала трагический повод, но он так и не поднимал глаз...

Нагнав его и немного отдышавшись, я начал разговор с

вопроса несколько бестактного, но в то же время чрезвычайно заинтересовавшего меня по пути сюда:

– Для чего вы распахали так много земли?

– Есть вещи, которые мы просто должны делать, не задаваясь вопросами «почему?» или «для чего?», – отвечал он, не раздумывая ни секунды.

– Я имею в виду... – мое дыхание все еще было частым, а сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди, – зачем пахать, если вы ничего не сеете?

– В подобных вопросах нет смысла. Тебе все равно никто не ответит, – продолжал он не менее спокойно.

Беседа становилась странной.

– Но кто-то же, наверное, засеет эти поля?

– Я в первую очередь, – отвечал пахарь.

– А вы сможете? Мне кажется, это не под силу одному человеку...

– Конечно смогу.

Наконец мне удалось отдышаться и прийти в себя, тогда как разговор уверенно стремился в тупик. Лихорадочно пытаясь отыскать пути его развития, я задал не самый разумный вопрос:

– Вы так много работаете... Наверное, вы и соседям помогаете, когда они просят?

– Ни за что. Что бы ни произошло, я пальцем не пошевелю.

Признаться, такой ответ меня удивил.

– Почему?

– Я слишком занят.

Несмотря на мои усилия, беседа не завязывалась. Надежды больше не оставалось. Пожалуй, мне следовало уйти. Однако я предпринял заключительную отчаянную попытку и позвал его с собой. Маловероятно, но что, если он разговорится по дороге?

– Ваша жена варит суп... Вы не проголодались? Быть может, пойдем пообедаем?

– Только за тобой, – ответил хозяин.

Как-никак, это был маленький успех. Тем не менее он стоял и не двигался с места.

– Вы же проголодались? – Мне потребовалось дополнительное подтверждение.

– Разумеется. – Пахарь едва заметно кивнул.

Я не решался сделать первый шаг.

– Садовая примула во сто крат прекраснее дикорастущей, – сказал он внезапно, так и не взглянув на меня.

Наконец все встало на свои места. Полминуты я отказывался верить, потом побледнел и спешно направился в сторону дома. Мне удалось заставить себя оглянуться, лишь отойдя на две сотни шагов. Впрочем, на что я рассчитывал? Хозяин продолжал пахоту как ни в чем не бывало. Теперь можно было идти медленнее, к тому же тяжесть прозрения с каждым шагом отнимала все больше сил.

Сделав небольшой крюк, чтобы пройти мимо жены, кото-

рая работала за мольбертом с другой стороны дома, я крикнул ей: «Собирайся, мы уезжаем». Видимо, выражение моего лица было таким, что она не задала вопросов. Хозяйка встретила нас с улыбкой и плошкой супа в руках. Я прошагал мимо, будто не заметил ее.

Мы были готовы менее чем через полчаса. Признаться, собирая рукописи и раскладывая вещи по чемоданам, время от времени я с надеждой поглядывал в окно: не возвращается ли хозяин? Периодически надежда сменялась таинственным страхом. Хотя чего бояться? Я был ему совершенно безразличен. В тот же день мы с женой уехали из Японии навсегда.

Озарение, которое снизошло на меня и повергло в благоговейный ужас, останется со мной до конца дней. Никогда прежде в моей жизни не происходило ничего более фантастического, чудесного и досадного. Вероятно, более и не произойдет. Чем дольше я живу, тем очевиднее мне становится, что через годы, через тысячи километров, на разных языках эти двое говорили не со мной, но друг с другом – англичанин, лицо которого я помнил до мельчайших деталей, и японец, черты которого вживую никогда не видел, хотя изображения этого человека, написанные моей женой, украшали каждую комнату моего дома.

– Ты что, наблюдаешь за мной?

– Да.

– А зачем?

– Есть вещи, которые мы просто должны делать, не задаваясь вопросами «почему?» или «для чего?».

– Но как же можно об этом не спрашивать?

– В подобных вопросах нет смысла. Тебе все равно никто не ответит.

– Даже ты?

– Я в первую очередь.

– А если со мной что-нибудь случится, ты сможешь вмешаться?

– Конечно смогу.

– Ты вмешаешься? Я могу быть спокоен?

– Ни за что. Что бы ни произошло, я пальцем не пошевелию.

– Но почему?

– Я слишком занят.

– Ты что наблюдаешь не только за мной?

– Только за тобой.

– Чем же ты тогда занят? Ты делаешь что-то еще?

– Разумеется.

С годами я убедил себя, что оба собеседника были, так сказать, «не от мира сего». Причем в самом буквальном смысле. Их занесло откуда-то... из другой реальности. А ведь когда случается такое, на новом месте пребывания гость может оказаться могущественным божеством. Или же, наоборот, бог иного мира, объявившись среди нас, будет всего

лишь заурядным человеком.

В любом случае, вероятно, я был задуман и создан лишь как средство для разговора этих двух божеств. Или бога с человеком. Или двух обычных людей. Так или иначе, но более никакой загадки в этой ситуации, ставшей моей судьбой, не осталось. Все было ясно как день. Впрочем, нет... Одно обстоятельство так и не давало мне покоя. Из-за несвоевременного чиха я не мог взять в толк, при чем здесь примула.

Режиссер

«Мне кажется, мысль о том, чтобы стать театральным режиссером, была самой первой идеей, пришедшей в мою голову...» Положа руку на сердце это, конечно, неправда. Так, попросту, не может быть. Зато как звучит! Я бы очень хотел, чтобы будущий биограф начал мою историю этими словами, потому не устаю произносить их снова и снова. Пока я повторяю сию мантру лишь себе под нос, но надеюсь, когда-нибудь представится случай сказать их во всеуслышание после триумфального спектакля в «Пале-Рояль», театре «Анджело» или «Коммунале», на Королевской сцене или в «Олд Вик»...

Начиналось все достаточно многообещающе. Минуя в своем рассказе неизбежные стадии дошкольной и школьной самостоятельности, я с блеском поступил в университет на режиссерский факультет. От обсуждения подробностей своих студенческих лет тоже уклонюсь – все было как у всех, только значительно ярче и успешнее. Педагоги почти единогласно называли меня лучшим учеником курса. Говорили, что я их надежда, а некоторые даже связывали со мной чаяния всего «современного театра». Бытие намекало, будто все идет к тому, что я получу диплом «*sum laude*»¹, но именно

---

¹ «С отличием» (лат.).

на этапе моего выпускного спектакля произошли события, на которых стоит остановиться подробнее.

В отличие от однокурсников, я не собирался тратить время на робкие поделки и эксперименты студентов-драматургов из нашего же университета. В конце концов, кто, как не я, должен был ставить великие пьесы? Вопрос состоял, по сути, в выборе между Шекспиром и Еврипидом. Не мудрствуя лукаво, я набросал на бумаге оба спектакля и принялся показывать свои идеи педагогам, чтобы они помогли мне определиться. Многие, как водится, расточали похвалы. Кто-то отмечал одну или другую задумку, остальные утверждали, что прекрасны и оригинальны обе. Все бы закончилось быстро и без проблем, если бы не мой любимый профессор актерского мастерства, выслушавший меня чрезвычайно внимательно, но было видно – что-то его смущает. Впрочем, и сам он свою озадаченность не скрывал, но, как ни странно, добиться от него вразумительного ответа о том, в чем же дело, мне так и не удалось. Профессор юлил и уклонялся. Быть может, он не хотел меня обидеть? С другой стороны, скорее всего, я выдаю желаемое за действительное, и нечто совсем иное мешало ему высказаться. Учитель нехотя обволакивал меня нейтральными, ничего не значащими формулировками, пока наконец не заявил: «Вы – очень одаренный человек... Вам обязательно нужно поговорить с М. Он поможет со спектаклем и все объяснит».

Я не мог поверить... Поговорить с самим М.! Почему эта

мысль прежде не приходила мне в голову?! Во-первых, я не думал, что он еще жив. Точнее, не так... Имя М. было для меня свято до такой степени, что, пожалуй, я вообще никогда не воспринимал его не только как реального человека, но даже как своего кумира. Он был запредельным, мастером из иного измерения, тогда как мои тогдашние идолы, даже те, что уже отошли в мир иной, представлялись куда более близкими и достижимыми.

Когда-то М. преподавал в нашем университете. Ходили слухи, что у него была какая-то своя школа, хотя никаких книг он не писал и «системы» не формулировал. С другой стороны, авторские методы принято приписывать любому большому мастеру, ставшему легендой. А М., вне всяких сомнений, уже давно был ею. Его спектакли гремели по всему миру еще во времена юности моей мамы, которая и передала мне свою любовь к театру.

Теперь же внезапно выяснилось, что он совершенно реален, жив – и вдобавок мы скоро увидимся! Признаться, уже давно я не испытывал такого волнения перед встречей с кем-либо. Скрывать его было выше моих сил.

М. оказался вполне активным и бодрым еще стариком. Он непрерывно говорил и при этом довольно торопливо расхаживал по комнате, хотя признался мне, что из дома уже давно не выходит. Почему – я так и не понял.

С порога мастер поразил меня тем, что обратился ко мне по имени и отчеству. Якобы он был очень рад и давно хотел

познакомиться. М. добавил, что наслышан, поскольку про меня ему рассказывали тот-то, тот-то, тот-то и тот-то. Названные имена поражали воображение в ничуть не меньшей степени – это были крупные режиссеры и известные театральные критики. Мне казалось, эти люди и знать-то не могли о моем существовании, а на деле выходило, что они давно следили за мной, да еще и обсуждали меня с самим М.!

Я онемел. Это не литературная форма, не преувеличение, но реальное положение дел. Мое изначальное волнение сменилось тотальным ошеломлением. Впрочем, при всем желании первые полчаса я бы и слова вставить не мог – мастер говорил без перерыва, причем исключительно обо мне. Он детально изучил всю мою жизнь и, сомнений не оставалось, действительно готовился и ждал нашей встречи. Лишь выпив вторую чашечку кофе, я наконец получил возможность что-то прояснить о своем спектакле, а также показать черновики.

– Разумеется! Не сомневайтесь! Я непременно помогу! Почту за честь! Только перестаньте называть спектакль выпускным. Вы – совершенно гениальный человек! Мы сразу сделаем постановку в большом городском театре, – сказал М., протягивая руку к моим бумагам.

Мне кажется, в тот момент я на некоторое время потерял сознание, хоть это и противоречит тому, что моя память хранит каждое последующее мгновение. Он взял черновики из моих оцепеневших пальцев. Быстро просмотрел их, задал

несколько вопросов, выразил тотальный восторг, сообщив, что такой-то его коллега подготовит костюмы, а декорации будет делать другой известный художник, который, как мне казалось, уже десять лет живет за границей. Я спросил М. об этом, он ответил, что ради работы со мной выдающийся мастер обязательно приедет. На премьере непременно будут присутствовать тот-то и тот-то. Ах да, еще тот-то...

Здесь, похоже, я все-таки отключился – внешне это никак не проявилось, – речь не идет об обмороке, но каждое слово мастера было своего рода выстрелом в мой разум. Представления о профессии, о судьбе, о реальности были уничтожены, мозг горел, кровоточил и не мог функционировать.

Придя в себя, я все еще не чувствовал ног, однако это было неважно, поскольку ощущались крылья за плечами. Тем временем наша встреча подошла к концу. Оставив М. свои бумаги, я откланялся. Он также взял номер моего телефона и обещал вскоре перезвонить.

Странно, но события последовавшей недели мне не удалось вспомнить, сколько бы ни пытался. На этот раз я допускаю, что наконец потерял сознание вполне буквально, без каких бы то ни было оговорок и экивоков. С момента нашей встречи с М. моя жизнь более не имела смысла вне рамок, щедро очерченных этим великим человеком. Потому сознание вернулось ко мне ровно тогда, когда в комнате раздался телефонный звонок.

Должен отметить, что М. всегда звонил очень рано утром.

В такое время я еще, разумеется, спал. Казалось, было важно, чтобы именно его голосом меня, разбуженного, приветствовал начинающийся день. Только вот кому это было важно – ему или мне?

Итак, он позвонил, поздоровался не менее почтительно, чем при встрече, хотя его голос звучал несколько напряженно. После небольшой преамбулы, посвященной моей гениальности, а также филигранному совершенству идей, недоступному большинству даже опытных режиссеров, он наконец перешел к делу. М. сказал, что все придумано и разработано прекрасно, что он уже договорился в главном театре нашего города о моей постановке, нашел средства и почтенного артиста на главную роль, тот уже успел дать свое согласие, вот только по поводу пьесы... Решать, конечно, мне, но он советует брать не Еврипида и тем более не Шекспира, а некоего современного драматурга – его имя я слышал впервые – с превосходной исторической драмой.

– Вы его, возможно, не знаете, – М. предугадывал мою реакцию, – но он очень хорошо знает вас. Когда я сообщил, что именно вы возьметесь за пьесу, автор обрадовался как ребенок. Еще раз повторю: решение принимать только вам, и никому другому, но я уверен – это будет удивительный спектакль! Курьер принесет вам текст с минуты на минуту. Прочитайте, подумайте и сообщите о своем решении.

Не знаю, как так вышло, но свое согласие я дал незамедлительно. Это меня удивило и, признаться, изрядно огорчи-

ло. Отчего я не принялся отстаивать Шекспира и Еврипида, спектакли по которым зримо представлял себе, ведь уже поставил их в своей голове, уже любил, уже сыграл первую сотню раз? Во время разговора с мастером я продал не за грош и «трагичнейшего из трагиков», и того, кто считался «яркою зарею и торжественным рассветом эры нового истинного искусства». За какие сребреники? Нет! Это не просто слабость, это... предательство! Но тут раздался звонок в дверь – курьер принес текст.

Нужно сказать, что пьеса мне на самом деле очень понравилась. Она оказалась неожиданно сильной, так что мои переживания вскоре улеглись. Я перезвонил М. и сообщил, что получил текст, ознакомился с ним, а также подтвердил уже высказанную прежде готовность ставить именно это произведение. Он довольно спокойно ответил: «Вот и прекрасно», – будто ничего другого услышать не ожидал. Затем последовал набор довольно подробных инструкций по поводу того, что и как мне надлежало делать дальше. Вкратце: в первую очередь следовало сходить в театр, познакомиться с дирекцией и труппой, а потом позвонить почтенному артисту.

– Можно ли на этой неделе принести вам наброски?

– Что?.. – М. явно не ожидал такого вопроса. Впрочем, он с готовностью пошел у меня на поводу. – Ах да, конечно.

На этом мы распрощались, и я поспешил выполнять распоряжения.

Большой театр нашего города нравился мне с детства. Сколько юношеских потрясений, сколько катарсисов пережито в этом зрительном зале! Я бывал здесь сотни раз, но никогда прежде не входил в это старое здание так, как теперь.

Сначала, я являлся сюда простым зрителем. Это приятный статус, что-то среднее между гурманом в ресторане и пассажиром в автобусе. От зрителя ничего не зависит – он платит в кассе и оставляет пальто гардеробщице. При этом даже тот номерок, который разоблачившийся получает взамен одежды, определяется не им, а слепой судьбой в обличье пожилой женщины. Далее зритель отдается во власть драматического действия. Другое дело, что именно в этом театре большинство спектаклей меня не разочаровывало, а потому чужая власть была сладкой.

Примерно пять лет назад я начал заходить сюда как студент театрального университета. Должен отметить, что это куда менее отрадный статус. Учащимся полагается бесплатный или льготный билет, потому кассиры, администраторы, уборщики и прочий обслуживающий персонал смотрит на «них» – я уже не чувствовал никаких связей с университетской братией, хотя формально все еще к ней принадлежал, – как на дармоедов. В свою очередь, члены труппы, как правило, видят в сегодняшних студентах завтрашних конкурентов или обидчиков, которые обязательно займут их насиженные места.

В этом было что-то непоправимо абсурдное, поскольку

речь не шла об обмане и кознях – за редчайшим исключением, вчерашний выпускник никак не мог «подсидеть» старого артиста. Это был естественный ход вещей, с возрастом последние теряли возможность исполнять любимые роли, и их заменял молодежь. Студенты были виноваты только в том, что родились на несколько десятков лет позже... Аналогичная история происходила с режиссерами, художниками и прочими – все они злились, что стареют. А особо им досаждал тот факт, что молодежь смотрела на мир иначе.

В результате творческая братия тоже была не очень дружелюбной. Что этому мог противопоставить студент? Ему оставалось лишь надеяться, что мнение кассиров, администраторов и уборщиков окажется безосновательным, а опасения артистов, режиссеров и художников – полностью обоснованными.

Сейчас же я впервые открывал дверь театра как постановщик будущего спектакля. Внешне это никак не проявлялось, но внутри меня все было иначе. Гордость, радость – это только слова, которые имели лишь условные, поверхностные, номинальные связи с моими чувствами. Если я и гордился, то не столько собой как человеком и режиссером, сколько своей биографией – как текстом, в котором, мне казалось, появляется первая важная строка.

К сожалению, это настроение оказалось весьма хрупким. Счастливый, я вошел к директору, представился секретарше, но, в отличие от М., а также того-то, того-то, того-то и

того-то, она обо мне ничего никогда не слышала, а потому сразу попыталась выдворить из приемной. Мы начали спорить, я нагло заявлял, что директор меня не только ждет, но даже будет рад встрече. Теперь мне ясно, что со стороны это походило на речи типичного городского сумасшедшего. Уверен, пару раз в месяц охранники непременно выводят таких из этого кабинета.

По счастью, на шум вышел сам глава театра. Он оказался весьма приятным и миролюбивым человеком. Мы познакомились, но у меня создалось впечатление, будто и он не имеет ни малейшего понятия о том, кто я такой. Десять минут мне потребовалось для того, чтобы удостовериться, что директор вовсе не шутил... В то же время происходящее не было похоже и на подготовленный М. розыгрыш-инициацию... Обескураженный, я спросил:

– Так что, он не звонил вам по поводу меня?

– Кто? М.? А разве он еще жив?

Глава театра выглядел совершенно искренним, и я недоумевал. Я предположил, что мой благодетель связывался не лично с ним, а с кем-то из режиссеров, администраторов или артистов. Нельзя было исключать, что он звонил в литературную часть, в костюмерный цех, гримерам, реквизиторам, билетерам... В голову приходили совершенно бессмысленные гипотезы. Я был готов допустить все что угодно, кроме самого, казалось бы, очевидного – что М. вообще не звонил в театр.

По всей видимости, мой огорошенный вид тоже вызывал доверие, и, как ни удивительно, директор не выставил меня, а позволил остаться и поискать в театре того, с кем М., быть может, действительно говорил.

Изгнан я был примерно через полтора часа. Более никто не проявил ко мне такого такта и внимания, напротив, надо мной посмеялись. Растерянному и обиженному, мне вновь пришлось оказаться всего лишь студентом режиссерского факультета, стоящим у дверей городского театра на улице под дождем.

Домой я шел в растрепанных чувствах. Что было не так? К кому именно мне следовало обратиться? Неужели во время телефонного разговора с М. я прослушал заветную фамилию или упустил еще какие-то настолько значимые детали, что без них вся наша затея идет прахом? Что мой благодетель подумает?! Как мне смотреть ему в глаза?

Всю ночь я ворочался и не мог уснуть. Perezванивать мастеру было немыслимо. Помимо всего прочего, под утро в памяти всплыл почтенный артист, с которым тоже надлежало связаться минувшим днем. Какой позор! Что же делать? В отчаянии, изрядно выпив, я наконец сумел забыться сном.

Проснувшись в середине следующего дня и приведя себя в порядок, я сразу набрал номер артиста. В трубке ответил заплаканный женский голос. Стоило позвать к телефону нужного мне человека, как на том конце провода раздался плач. Вскоре подошла другая женщина и сообщила, что

ответить ее брат не сможет, поскольку сейчас проходят его поминки.

Не то чтобы я огорчился. Скорее был крайне удивлен. Что за ерунда? Впрочем, быть может, это невероятное стечение обстоятельств – М. договорился, после чего артист скоропостижно умер в течение суток. Но все-таки ситуация представлялась довольно странной. Далее без разговора с моим благодетелем действовать было невозможно. В этом стыдно признаться, но я даже немного обрадовался – смерть исполнителя главной роли, в отличие от случая в театре, давала мне повод и основание, чтобы ему позвонить.

– Я слышал, такое горе... – сказал М. совершенно индифферентно. – Но вы не волнуйтесь, мы пригласим того-то, того-то или того-то.

Три чрезвычайно известные фамилии вновь вскружили мне голову. Однако как же заговорить о встрече с директором?..

– Прошу прощения, – начал было лепетать я, – но вчера в театре произошло недоразумение...

– Да, несомненно, – М. резко перебил меня, – директор позвонил мне сразу после того, как вы расстались. К сожалению, в его ведомстве левая рука не знает, что делает правая, а уж головой они вообще не пользуются... Не волнуйтесь, я уже договорился в другом театре. Вас там ждут с нетерпением. Отправляйтесь завтра же.

– Тогда на этой неделе занесу вам наброски? – Надежда

взрывом вспыхнула во мне.

— Вне всяких сомнений! — На этот раз М. уже был готов к такому вопросу. — Мои двери открыты для вас в любое удобное время.

Я принялся за работу и уже к вечеру имел массу идей, касающихся будущей постановки, в виде записей, набора рисунков и даже небольшого макета, который нести к М. пока не было нужды.

Энтузиазма у меня даже прибавилось, несмотря на то что главный городской театр в новых обстоятельствах был заменен на периферийный. Хотя если на сцену выйдет тот-то, тот-то или тот-то, все и так будет в порядке. Меня даже удивило, что я не огорчился из-за смены площадки. Быть может, это связано с тем, что вчера мне уже пришлось похоронить свою мечту, но вот теперь она вновь восстала из пепла, вновь сияет и манит, такая близкая, такая вожаделенная.

В новом выбранном М. театре прежде я бывал лишь пару раз, причем довольно давно, а потому совсем не помнил его устройства. Кроме того, за прошедшие годы все могло измениться. Впрочем, увиденное соответствовало ожиданиям.

Никаких волшебных чувств на этот раз уже не было, но были другие, не менее занятные: я входил в здание не как блистательный режиссер-дебютант, но в качестве битого жизнью бывалого постановщика, виртуоза преодоления неподатливых и противных искусству житейских катаклизмов. В моей биографии появлялась вторая строка. Тем не

менее никак не удавалось избавиться от мысли, что и отсюда меня выгонят с позором. «Ох уж и устрою я тогда этому М.! Не посмотрю на его славу и величие!» – так думалось мне, хотя опасения были напрасными.

Директор оказался значительно менее приятным человеком, правда, в отличие от предыдущего, был предупрежден о моем визите, а также о постановке. Он сказал, что «все это можно сделать». Подчеркиваю: «...можно сделать». Ясно, что решительно никто здесь не был рад моему приходу. Вопреки заверениям М., мне не удалось найти ни одного человека, который бы «ждал меня с нетерпением». Напротив, каждый встреченный, казалось, подчеркивал своей интонацией, что делает мне огромное одолжение, что я – обуза и повинность для всех. Но это уже детали и тонкости театральной жизни, а значит, мне ли, «бывалому постановщику, виртуозу преодоления неподатливых и противных искусству житейских катаклизмов», обращать на них внимание?

Я попросил, чтобы меня познакомили с артистами. В свою очередь, далеко не все исполнители соизволили снизойти до знакомства со мной. Так или иначе, но в глаза сразу бросалась важная проблема: в пьесе было одиннадцать мужских ролей. Каждой соответствовал – пусть и не строго – свой типаж. И это не считая массовки. В труппе не очень большого театра я мог найти не больше шести подходящих артистов. Как же быть с остальными? Пришлось спросить директора, можно ли привлечь людей из других театров. Он ничего не

ответил, только раздраженно выдохнул, покачал головой и ушел восвояси, оставив меня одного на сцене.

Решив, что обсуждать эту проблему разумнее непосредственно с М., я отправился домой, где до утра корректировал свои наброски с учетом конфигурации сцены, объема зрительного зала и прочих полученных сведений. Днем же я пошел в гости к старому режиссеру, чтобы рассказать о своих соображениях по результатам знакомства с театром.

М. выслушал меня крайне внимательно и традиционно восторженно. По его словам, лучше придумать было нельзя. Ему остается только даваться диву, как я, столь юный человек, способен настолько глубоко проникать в комплексную ткань такого серьезного произведения! Но... с моего позволения, он бы хотел рассказать, как сам представлял себе спектакль по этой пьесе. Разумеется, возражать я не мог и не стал.

Рассказ М. занял в пять раз больше времени, чем мой, ведь был куда обстоятельнее. Он включал все, от мельчайших деталей будущей постановки, описания декораций, звукового и светового оформления, костюмов до идей относительно дизайна оригинальных билетов и программ. В заключение маститый режиссер предложил нескольких мало-значительных изменений текста пьесы, включая пару, должен признать, весьма удачных реплик, которые, по его словам, пришлись по сердцу и драматургу. Закончил он фразой: «Вот именно так давайте все и сделаем».

Нельзя сказать, что видение М. мне не понравилось. Оно было очень интересным, тонким, но... не моим. Однако я опять ответил: «Хорошо» — и вновь был поражен собственной податливостью и неспособностью бороться за свой спектакль. Впрочем, со временем я убедил себя, что дело вовсе не во мне, а в гипнотических способностях мастера.

Дальнейшие события позволю себе описывать более бегло. Заботу о нехватке артистов определенных типажей мой покровитель обещал взять на себя, но в течение недели ничего на этом поприще не произошло. Четырежды я звонил ему прямо из кабинета директора. Всякий раз М. утверждал, что уже сделал необходимые распоряжения, а самые лучшие исполнители давно мечтают участвовать именно в моем спектакле и именно в этом театре. Когда первая неделя, наполненная подобными обещаниями, подходила к концу, мне уже было невыносимо трудно сдерживаться, чтобы не вспылить. Но, как ни удивительно, в тот самый момент, когда я было собрался вновь войти в кабинет директора, чтобы набрать телефон М. и поинтересоваться, за кого он меня, в конце концов, принимает, двери театра распахнулись и возник первый артист, пришедший на прослушивание.

Совсем юный, вчерашний выпускник провинциального училища, он не подходил ни на одну вакантную роль по типуажу, но если бы этот человек не появился, М. не удалось бы избежать скандала. С тех пор действительно периодически стали возникать какие-то артисты. Разумеется, о

том-то, том-то или том-то речи не шло, это были совершенно неизвестные люди, дебютанты, уволенные пропойцы, амбициозные скандалисты, несостоявшиеся самоучки... В общем, контингент вызывал большие сомнения. С натяжкой я мог занять в спектакле разве что одного из числа тех, кто пришел в течение трех месяцев, да и то предпочел бы этого не делать, а найти кого-то другого.

Похожая история происходила с декорациями. М. с пеной у рта настаивал, что над сценой будет висеть настоящий колокол исполинского размера. Согласно его задумке, с одной стороны, он должен изображать свод, своеобразную крышу аллегорического дома, а с другой – артисты будут бить по нему молотами, извлекая чрезвычайно громкие, но красивые звуки в драматичные моменты.

Вынесем за скобки вопрос о том, откуда бы взялся такой колокол, – режиссер заявил, что его отольют по эскизу специально для спектакля и мне не стоит об этом беспокоиться. «У вас и так дел невпроворот», – говорил он, улыбаясь, и в этих словах со временем мне начала слышаться издевка. Но когда я сообщил в театре о том, что собираюсь повесить на балках настоящий колокол диаметром в три четверти сцены, все решили, что мой разум помутился – мне же пришлось выдавать эту безумную идею за собственную.

Очевидно, что никому другому, кроме разве что М., не пришло бы в голову ничего подобного. Громадину бы изготовили, например, из папье-маше, а звон раздавался бы че-

рез динамики, став элементом фонограммы. «Вы понимаете, что балки не выдержат?! Они сломаются, даже если вы его просто повесите! – кричал на меня директор. – А уж от ударов, когда пойдет вибрация... Да и как вы собираетесь внести чертов колокол в театр?! Он же не пройдет в двери! Я уж не говорю о том, что артисты и зрители в первых рядах могут оглохнуть! Зачем это все нужно?! Подобное безумие разве что М. устраивал в лучшие годы». Несчастный глава театра сам не осознавал заключенной в его словах иронии, но я от души посмеялся, выйдя из кабинета. Более того, мне было очевидно еще и то, что колокол окажется непропорциональным – при заданном диаметре и обычной форме он попросту не поместится над сценой по высоте. Значит, и «голос» его будет странным, вовсе не таким, как хочет мой благодетель... Я все это понимал, но в присутствии директора был вынужден настаивать.

При следующей встрече с М. мне не удалось убедить его уменьшить исполина хотя бы вдвое, а ведь это бы решило по крайней мере часть проблем. Но режиссер стоял на своем и не собирался идти на компромиссы. После нескольких подобных разговоров он обещал, что вскоре решит и вопрос с тем, как внести огромный колокол в зал. Когда ситуация вновь оказалась на грани скандала, в театре появился первый строитель, который начал производить замеры для, как он выразился, «расширения дверного проема». В последующие дни привозили отбойные молотки, цемент, приезжали

разные инженеры... Директора это всерьез настораживало, поскольку подобные работы, как я понял, с ним никто не согласовывал. Он сам позвонил по этому поводу М. Что тот ему сказал, мне не известно, но – факт остается фактом – после их разговора глава театра более не беспокоился.

Шли месяцы, никакие работы так и не начались, хотя строители постоянно слонялись в театре, мешая репетициям. Пару раз они даже ударили молотом по стене, но, выяснив, что она несущая, отложили эту деятельность, увезли одни инструменты, привезли другие.

Было еще множество подобных ситуаций, некоторые из которых даже сейчас стыдно вспоминать. Как я мог ему верить?.. Почему после первого из сотен никуда не ведущих обещаний я не бросил спектакль и не пошел на поклон к своим прежним педагогам?..

Все происходящее напоминало кафкианский сюжет, в котором в качестве К. выступал не М., а я. В то же время, в отличие от историй Кафки, абсурд моей жизни исходил от совершенно конкретного человека, и это делало ситуацию принципиально иной.

М. обладал запредельной убедительностью. Когда он начинал говорить, сомневаться в его словах было не просто трудно, а невозможно, несмотря на то что до того он многократно врал. Впрочем, в том-то и дело, всякий раз он «не совсем» врал... Его слова и прожекты в нужный момент таинственным образом находили чрезвычайно скупые подтвер-

ждения и намеки на достоверность. Это питало веру и надежду, но ничего не давало для дела...

Зачем? Для чего он устраивал это все? Первейшее предположение, которое придет в голову любому человеку, посвященному в детали истории, будет состоять в том, что немощный старый режиссер, уже не выходящий из дома, решил поставить свой – именно свой! – спектакль руками молодого и энергичного человека. Казалось бы, это лежит на поверхности. Я сам так думал до поры. Но ведь никакого спектакля не получалось. Все затеи М. разбивались вдребезги или улетали в пустоту. Тогда зачем?..

Так прошло полгода моей жизни. Естественно, поставить дипломный спектакль в этом театре мне не удалось. Было решительно нечего показать педагогам, и, несмотря на блестящую прежнюю успеваемость, я провалился. Все это время М. твердил, что получать диплом совершенно ни к чему, поскольку после того, как мой будущий спектакль прогремит, никто даже не вспомнит о том, как я бросил университет. Или, наоборот, газеты этим заинтересуются и постфактум сделают интригующей строкой моей биографии. «Поверьте мне, – совесть все еще не мешала ему требовать доверия, – это не будет иметь никакого значения! Ведь художник – он перед Богом, а не перед людьми!» Режиссер частенько заканчивал свою речь какой-нибудь громкой фразой, которая, стоило лишь вдуматься, не имела отношения к сути дела.

Как ни удивительно, в университете мне пошли навстречу

и в виде исключения позволили еще раз отучиться на выпускном курсе. Однако я был настолько поглощен спектаклем, настолько загипнотизирован и подчинен М., что на занятиях не появлялся. Вскоре меня отчислили.

В отсутствие стипендии содержать себя стало гораздо труднее. Хоть она была совсем небольшой, но к ней присовокуплялись гранты для подающих кому-то надежды. Были и иные надбавки и поощрения. Стоило добавить сюда то, что мне присылали родители, как возникала сумма, делающая выживание, по крайней мере, возможным. Теперь же этого не было. М. довольно давно говорил, что вскоре его друг, любитель театра из Монако, выплатит мне огромный гонорар, но, как и все прочие обещания, это оставалось лишь словами.

Я голодал, но почему-то продолжал слушать его завораживающие речи, уже практически теряя способность отличать реальность от вымысла. Вероятнее всего, я сходил с ума. Но вот в одно прекрасное, чрезвычайно раннее утро раздался очередной телефонный звонок. Мой покровитель в свойственной ему манере сообщал, что, похоже, в этом театре ничего не получается – после года мытарств он все-таки согласился это признать, – но только что ему удалось договориться о другом головокружительном варианте. Спектакль обязательно будет поставлен на одной из небольших элитарных сцен Ковент-Гардена. «Срочно вылетайте в Лондон! В аэропорту вас встретит делегация во главе с министром культуры

Великобритании. Обязательно – вы слышите? – обязательно купите смокинг! Вы едете надолго, потому арендовать выйдет значительно дороже». Говорить человеку, не обедавшему два дня, про смокинг, предлагать мне ехать в Англию... Это была уже не ложь, а бред. Выносить его я более не мог, и то, что в свою очередь услышал М., приводить здесь не стану. Когда я закончил свою пламенную речь, мне оставалось только бросить трубку. Это был наш последний разговор.

Из моей жизни исчезло чудо. Неказистое, выматывающее, подчас пугающее, но такое привлекательное, ради которого хотелось жить. Тосковал ли я по нему потом? Трудно сказать, поскольку мой разум был слишком измучен.

Относительно громкий дебютный спектакль мне удалось поставить лишь через четыре года – это был «Ипполит» Еврипида. В течение двух лет я боролся за выживание. Работал в театрах сначала уборщиком и гардеробщиком, потом артистом и помощником режиссера. Со временем меня восстановили на факультете, хотя многие педагоги так и не простили мне свои обманутые надежды. Я был чрезвычайно благодарен судьбе и профессорам за очередной шанс и, как никто, понимал всех, таивших обиду. Честно говоря, надутые губы и злые взгляды педагогов неизбежно вызывали у меня грустную улыбку умиления, ведь им даже в кошмарном сне бы не привиделось то, что с моими надеждами сделал М.

Каждый дальнейший шаг, каждое дело, каждая постановка давалась мне с большим трудом. Но сейчас, когда минуло

уже пятнадцать лет, я хочу поблагодарить судьбу за то, что она послала мне встречу с великим режиссером. Теперь я точно знаю, для чего он делал все то, что делал, а главное, зачем он позвонил в то утро. М. прекрасно понимал: рассказ о Ковент-Гардене – это «too much»². Он понимал, что этим звонком ставит жирную точку в наших отношениях, отталкивая меня навсегда. Он понимал и поступил так, поскольку мое время настало, ведь я прошел его школу до конца.

---

² «СЛИШКОМ» (англ.).

Гипотеза Дедала

Гюнтер казался человеком скромным. На первый взгляд это противоречит амбициозности его замысла, но следует понимать, что, ставя перед собой высокую, практически невыполнимую задачу, он совсем не думал о славе, общественном признании, статусе... Те, кто знал его лично, сказали бы, что во всей своей деятельности Гюнтер, скорее всего, вообще не видел никакой цели, кроме удовлетворения собственного интеллектуального порыва. Такой уж он был человек. С другой стороны, если подумать, то сама его идея, монументальная и бескомпромиссная, оказывалась крупнее любого смысла.

В то же самое время в пользу чрезвычайной скромности Гюнтера говорит тот факт, что, несмотря на долгие годы работы, никто из коллег, учеников и читателей не знал или, по крайней мере, сейчас не может вспомнить даже его фамилии. Смутно припоминают, что она была очень простой и распространенной – то ли Шмидт, то ли Фишер, то ли Мюллер, то ли Майер, то ли Шварц, то ли Рихтер, то ли Вагнер. «В Германии быть Шмидтом – все равно что и не быть вовсе», – мог бы с улыбкой сказать Гюнтер. Во всяком случае, эта шутка вполне в его духе. На нее следовало ответить, что быть в Германии Вагнером – это значит о-го-го как много! Дескать, вагнеров миллионы, но Вагнер-то один! В

пику сказанному он наверняка не преминул бы назвать какого-то неожиданного выдающегося Вагнера – экономиста Адольфа, писателя Генриха или его тезку-шахматиста. Быть может, прозвучало бы имя физика и изобретателя Герберта, археолога Иоганна, естествоиспытателя и путешественника Морица, музыковеда Петера, генерала Эдуарда... Или, например, Гюнтер мог парировать, заявив, что, если бы фамилия того самого Рихарда Вагнера была иной, сути дела это бы несколько не изменило, просто в энциклопедии он располагался бы на другой странице. Только и всего. Если представить, что спорщик выбрал последний вариант ответа, то можно было бы возразить, что, раз он сам это признает, следовательно, пресловутая фамилия, какой бы она в конечном итоге ни оказалась, все-таки имеет значение, хоть и не априорное. Гюнтер, несомненно, продолжил бы баталию, но что именно он бы сказал – гадать нет смысла. Все равно, сколько я ни расспрашивал, никто из его знакомых не мог припомнить подобного разговора.

Зато почти каждый с удовольствием вспоминает, как познакомился с Гюнтером. Ваш покорный слуга слышал с десятков вариаций истории о том, что на первую просьбу представиться он отвечал: «У меня сейчас нет имени». Хотя этот сюжет я могу рассказать и от своего лица, ведь наше знакомство произошло точно так же.

Гюнтером он начал называть себя значительно позже. Думаю, это, как и все в его жизни, связано с какими-то идеями

и изменениями его концепций. Также я убежден, что вовсе не это имя было дано ему матерью при рождении. Тем не менее раз он сам его выбрал, то и мы будем в дальнейшем пользоваться им.

Гюнтер был, что называется, кабинетным философом – впрочем, много ли вы видели иных, – профессором и настоящим мыслителем. Он оставил немало опубликованных работ, которые, как ни жаль, затерялись на полках с другими современными трактатами. Это в высшей степени досадно, поскольку наследие Гюнтера могло бы создать обширный плацдарм для размышлений, стать предметом обстоятельных исследований, а то и положить начало новой философской школе. Однако не помог этому даже его недюжинный литературный талант, выгодно выделявший тексты Гюнтера в сонме иных сочинений такого рода.

Как ни жаль, но уже сегодня можно с уверенностью утверждать, что его наследие не будет «открыто» по прошествии лет. Время внезапных находок, обнаружение «сокровищ» в результате «раскопок» на полках библиотек осталось позади. Теперь с каждым днем они оказываются погребенными все надежнее. Этот процесс набрал слишком большую скорость, и безжалостное время не разбирает, каких текстов остро недостает человечеству, а какие можно забыть без потерь.

Случай с Гюнтером сложен еще и потому, что даже беглое введение в его комплексное мировоззрение займет слишком

много времени и потребует значительных усилий, как от меня, так и от вас, дорогой читатель. Так что от этого пока придется воздержаться. Скажу только, что его – воспитанника, апологета и продолжателя рафинированной немецкой философии бытия – занимали более проблемы разрешения противоречий, таящихся в существующих, прошедших через века идеях, нежели создание новых учений. На фоне тотальной страсти всех и вся культивировать сугубо свои, зачастую не стоящие выеденного яйца мысли, даже не удосужившись познакомиться с тем, что делали предшественники, уже само по себе скромное желание Гюнтера выступать в качестве «лекаря идей» вызывает огромное уважение и симпатию.

А ведь действительно многие фундаментальные доктрины, которые в свое время выглядели долгожданными неоспоримыми откровениями, с каждым новым веком разрушались на глазах историков и философов и, стало быть, нуждались в лекаре. Гегельянство, будоражившее умы полтора столетия, концепция сугубо двойственной диалектики, давно выглядит наивным упрощением и уплощением рельефной картины мира. Универсум собирает воедино, определенно, существенно более сложная связь, чем «единство и борьба». Вдобавок отнюдь не только противоположности участвуют в ней.

Концепции категорического императива и «вещи в себе» Иммануила Канта несли несомненный отпечаток почти по-

тустороннего совершенства, но после катастроф XX века стали выглядеть как сугубо учебные построения, подходящие для блистательной диссертации, но не для жизни.

Еще больше проблем обнаруживалось в философских доктринах, так или иначе постулирующих отсутствие смысла бытия. Гюнтер обратил внимание на то, что если его нет, то знание и передача этой «благой вести» становится не только бессмысленной, но зачастую вообще невозможной.

В качестве примера рассмотрим доктрину экзистенциализма. Итак, пусть объективной общей истины не существует. Тем не менее существуют частные, обладающие свойством экзистенциальности, то есть связанные с отдельным человеком, конкретным прецедентом бытия. Если субъекту что-то кажется истинным, то это характеризует исключительно субъект, и больше ничего. Такую истину нельзя делегировать, преподнести кому-то другому, в том числе и читателю философских трактатов. Точнее, в интересах каждого конкретного субъекта не опираться на чужие истины, но только на свои, экзистенциальные.

Теми или иными словами именно это сообщает широкий круг мыслителей от Кьеркегора и Ясперса до Сартра и Камю. В том случае если они ошибаются, то практического смысла в знакомстве с их трудами нет, кроме разве что расширения кругозора еще одним людским заблуждением. Но если они правы, то дела куда печальнее, ведь универсальной истиной сказанное быть не может, а какое нам дело до недеlegerируе-

мых истин чужих прецедентов бытия?

Нужно все-таки отметить, что экзистенциализм, особенно в сартровском варианте – не стоит думать, будто внимание Гюнтера было сфокусировано исключительно на немецких мыслителях, – казался ему достаточно резонным, но не в этом дело. Допустим, что некий философ создал концепцию, которая деформирует категорию смысла. Какие в таком случае средства остаются у автора для того, чтобы донести до читателя зерно обнаруженной, пусть и мнимой истины, таящееся в этой концепции? Можно ли предугадать червоточину, заложенную в рациональном построении, которая разрушит его под действием внешних исторических обстоятельств, при условии того, что сами эти обстоятельства на момент создания доктрины невозможно себе даже вообразить? А может, обстоятельства ни при чем? Может, некое учение – это как раз та самая константа, которая обнажает неуклонное изменение человека как биологического вида? Вот такие вопросы занимали Гюнтера.

Еще раз повторю, его работы – предмет для отдельного и подробного разговора, но есть одна гипотеза, прекрасная настолько, что если из всего им созданного в людской памяти сохранится только она – это уже будет неплохо.

К сожалению, ее невозможно сформулировать и передать словами автора, поскольку отдельного описания Гюнтер не оставил. Нечего процитировать, не на что сослаться... Однако до нас дошли опирающиеся на нее труды, с помощью и

на основании которых можно попытаться ее изложить. В силу этого я должен признаться, что существование некой гипотезы, стоящей за позднейшими работами Гюнтера, это по большому счету мои домыслы. Тем не менее, сколько бы я ни размышлял, никаких других объяснений появления этих текстов придумать мне не удалось. Кроме разве что самого печального предположения. Но даже допустить мысль о том, что итоговые труды жизни моего друга были не более чем помутнением его рассудка, я не могу.

Около десяти лет назад Гюнтер изрядно удивил всех тех, кто входил в его ближний круг, кому он в первую очередь показывал свои тексты. Из-под пера мыслителя вышел удивительно наивный, если не сказать смехотворный, космогонический трактат, значительно уступающий в обоснованности даже тем, что были написаны пять, шесть, семь, восемь столетий назад. Собственно, это сочинение и походило скорее на литературную стилизацию под произведения богословов Средних веков или эпохи Возрождения, нежели на результат философских размышлений современника. Относиться к этому тексту серьезно отказывались решительно все. Большинство от души посмеялись, тогда как отдельные злые языки сразу начали поговаривать, будто Гюнтер сошел с ума.

Когда он выдал на-гора третий подобный труд, описывающий происхождение людей от подводных камней, а также развивающий представление о том, что внутри каждого человека находятся пять птиц, отличающихся размером и по-

вадками, всеобщее веселье сменилось настороженностью. Многие тогда отвернулись и тихо ушли из его жизни, поскольку говорить Гюнтеру о том, что его светлый и яркий разум более не существует, никто не хотел. Именно поэтому, когда через несколько лет он и сам исчез, никакого резонанса не последовало. Те, кто его еще помнил, сделали вид, будто ничего таинственного в этой истории нет, просто безумец, вероятно, решил, никого не предупреждая, уединиться в какой-то келье и продолжить творить свои абсурдные тексты.

Но прежде чем уйти, Гюнтер написал еще немало. Он вообще был чрезвычайно плодовитым мыслителем. Тогда-то я и подумал, что раз мозг не изменяет ему в смысле количества порождаемых идей, почему же все решили, будто он подведет своего обладателя в смысле качества? Моя логика тут небесспорна, однако признаюсь, что именно по этой причине я принялся внимательно перечитывать его труды и довольно скоро понял, в каком же ужасном, несправедливом и недалёковидном заблуждении пребывает большинство наших общих знакомых. Ведь этими текстами Гюнтер, быть может, начал и с успехом вел самую важную часть своей работы в жизни.

При всем пристрастии к кристальной философской мысли, детерминизму и логической обоснованности автор довольно рано понял, что столько, сколько помнит себя человечество, подобные средства не оказывались адекватными реальности. За многовековую историю мысли они помогли со-

здать лишь путаницу, не давали ответов, но только приумножали вопросы. Великие концепции неизменно понимались ошибочно, идеи плодили заблуждения. Если говорить о философии, то люди поднаторели лишь в одном – в превратном ее толковании. И вот тогда Гюнтер подумал: что, если истинное знание можно передать как угодно, только не непосредственно?

Его поздние сочинения становились все сложнее. И хоть они походили на образчики богословия XIII–XVI веков, задачи, стоящие перед Гюнтером, были принципиально иными, а труды отличались нарочитой изощренностью.

Когда Сведенборг писал, что существует четыре мира: природный и духовный универсумы, а также ад и рай, – он в силу каких-то причин думал, что так есть на самом деле. Высказывая свои соображения, шведский естествоиспытатель делал, как ему казалось, шаг навстречу истине. Когда он говорил, будто ангелы бывают трех цветов: красные, лазоревые и белые, – Сведенборг считал, что дело так и обстоит. Быть может, ему являлись небесные создания всех этих разновидностей. Когда он писал, что на третий день после кончины, переходя в духовный мир, благодетельные люди становятся голубями и овцами, тогда как грешники – совами и летучими мышами, он – уж не будем сейчас обсуждать почему – в этом не сомневался.

Бонавентура утверждал, что у человека имеется три ока – мысленное, телесное и созерцательное, – поскольку находил

их в себе и других. Мейстер Экхарт действительно видел разницу между божеством и богом, наглядно, а не умозрительно представляя себе «полную чистоту божественной сущности». В отличие от них, когда Гюнтер писал, что для каждого человека на земле существует дерево, в котором обитает его альтус – третий из четырех (наряду с традиционной душой, архонтом и «дном ока») структурных элементов его возвышенной субстанции, – он так не думал ни секунды.

Учение катаров, в котором бог представал как некий исполнительный ремесленник, что, в свою очередь, допускало возможность его ошибок, а также предполагало, будто он вовсе не является вершиной иерархии, было сплавом широкого спектра восточных и западных религиозных трактатов. Многие люди погибли, отстаивая эту ересь, видя свою цель лишь в одном – скорректировать тотальные заблуждения традиционного христианства. Гюнтер бы не стал отдавать жизнь за концепцию того, что боги – а у него их множество – это своего рода крестьяне, совмещающие работу возницы, пахаря и сеятеля. Он не пошел бы за это на смерть отнюдь не потому, что не был верен своему делу. Просто он не предполагал, что так оно и есть.

Мой друг создавал заведомо ложное учение, которое глупо было принимать. Он рисовал картину, полную избыточности и противоречий, в которую невозможно было верить. Его мир оказывался настолько сложным и испещренным деталями, что даже запомнить и ориентироваться в нем никто

бы не смог. Что же оставалось? Читатель его поздних трудов неизменно оказывался в смятении, и первая же соблазнительная его мысль состояла в том, что все это какой-то абсурд, который исключает «правильное понимание». Но ведь если за всю историю человечества идеально отточенные идеи так и не создали представления об истине, то, быть может, неуловимая таится в ложном понимании ложного? Если истину не удавалось сформулировать непосредственно, то почему бы ей не возникнуть опосредованно, из блужданий по пугающему лабиринту абстракций, нарочитых усложнений и недомолвок Гюнтера?

Его мнимый хаос является сугубо интеллектуальной конструкцией. Поздние работы моего друга, хоть внешне и напоминали древних богословов, были попросту невозможны во времена, когда люди, подобно Бонавентуре, Экхарту или Сведенборгу, видели свою задачу в том, чтобы выразить структуру мира, как он есть. Гюнтер уже не тешил себя амбициозными надеждами. Он создавал универсум, которого не существовало и не могло существовать. Пользовался не древними книгами и не опытом экстатических Откровений, но дорогами разочарований, интеллектуальных тупиков, развилками неоднозначностей. Именно поэтому результат его труда, мне кажется, наиболее разумно называть лабиринтом, в котором на каждом шагу встречаются или мерещатся следы чудовища.

Последние годы на кафедре Гюнтер только и занимался

тем, что оттачивал, доводил до некого, ведомого лишь ему совершенства свой лабиринт, в котором не было входа, но, быть может, где-то таился выход. Впрочем, где именно – не знал и сам автор. В связи с этим я уверен, что если бы мой друг не исчез, то вскоре он в очередной раз сменил бы свое имя. На этот раз, я не сомневаюсь, он стал бы называться Дедалом. Потому я вновь приступаю к чтению его текстов – в поисках то ли выхода, то ли Минотавра.

Эхнатон

«Отец, ты стар и мудр, так объясни же мне, для чего мы нужны? Послушай, от века владыка Египта – гарант благоклонности богов к стране, но думаю, даже ты не веришь в сказки о том, что правитель является воплощением Хора. Во-первых, сейчас мы с тобой вдвоем на троне. Хор погибает и беспрестанно рождается вновь, но одновременно двух Хоров быть не может никогда. Во-вторых, ты тяжело болен, и, согласишься, вряд ли бог станет болеть. Нет, отец, я очень тебя люблю, но ты не божество. А я?.. Знаешь, я много думаю об этом, но пока ничего подобного в себе не нахожу.

Так для чего же мы? Для того чтобы молить всевышних, принося им жертвы в дорогих одеждах, не оскорбляющих их взор? Да, подношения наши так ценны, что их не стыдно отдавать даже божествам. Если это скот и яства, то их столько, что можно годами кормить несколько деревень. Если это драгоценности, то на них можно было бы устроить пир для всех жителей столицы.

Простым людям запрещено жертвовать и даже обращаться к всевышним, они могут делать это только через жрецов-посредников. Но, отец, представь ситуацию – у крестьянина заболела мать, и он решает пролить на алтарь кровь своего единственного теленка. Этот теленок представляет для него куда большую часть имущества, чем стадо бы-

ков для нас с тобой... Да что там, чем вся деревня с этим несчастным крестьянином, его матерью, другими жителями и их скотом... Мы не замечаем, что владеем ими, не заметим, и если они все исчезнут на алтаре.

А теленок бы вырос, заменил своего дряхлеющего отца, и с его помощью крестьянин возделывал бы поле и обеспечивал семью много лет. Но он решается отдать его жрецу. Отец, так кто же из нас жертвует по-настоящему, мы или они? Правы ли боги, если они слушают нас, а не таких, как этот крестьянин? Да и не глухи ли всевышние, ведь мы уже пять лет молим о твоём выздоровлении.

Я помню, прежде ты говорил мне, что народ наш беден и грязен. Дескать, богам не пристало внимать обращениям подобных. Но подожди, если наш гражданин не достоин слуха всевышних, то чья в том вина? Не должно ли нам быть стыдно? Не должны ли мы всеми силами это исправлять? Впрочем, мне кажется, что уже исправили: никогда прежде Египет не переживал более славные времена, чем сейчас. Не было еще такого достатка и расцвета. Ты, твой отец, твой дед, все наши предки долго к этому шли. Так неужели даже в это славное время простой гражданин не заслужил права обращаться к богам без посредников? Прости, отец, я не согласен!

Еще ты утверждал, что египтянин прост и темен, а пантеон всевышних сложен и мстителен, нужно уметь правильно говорить с ними. Это высокое искусство и трудная наука, до-

ступная только жрецам. Обычный человек ее не освоит, запутается, не поймет. Тут я соглашусь, но подумай, правильно ли это, когда людьми управляют те, кто находится за гранью их разума? Послушай, я не уверен, что их понимаем даже мы с тобой. Много ли я и ты знаем о богах, кроме того, что и когда им подносить? Отец, мне страшно: люди зависят от тех, кого себе даже не представляют. Поверь, они нам чужды!

Я часто думаю об этом и должен тебе сказать: мне кажется, все гораздо проще. Если не слушать верховного жреца Май и остальных священнослужителей, то на самом деле мы зависим лишь от двух вещей – от Нила и от Солнца. Но Нил здесь, он течет мимо наших городов, совсем рядом. Он никуда не денется. Пусть река может растекаться и мельчать, и то и другое оборачивается для нас несчастьями, но они ничто в сравнении с тем, что случится, если завтра не взойдет Солнце. Все наши поля тогда погибнут, все наши люди умрут, не станет и нас с тобой. Это же так просто – нам нужно только Солнце! Солнце – вот единственный бог, обеспечивающий нашу жизнь!

Но что на это скажут жрецы? Если их послушать, то небесное светило вовсе не имеет божественной природы. По их мнению, это лишь предмет, который богиня-мать Нут проглатывает каждый вечер, а по утрам рождает вновь. Прежде, помнишь, они утверждали, что оно вышло из лотоса посреди океана Нуна. Получается, раньше они считали, будто Солн-

це возникло прежде, чем сама Нут, а потом поменяли свою точку зрения? Почему?! На каком основании?! Откуда они могли это узнать?!

Некоторые жрецы, особенно в наших далеких нوماх, говорят, будто светило держат горы обоих горизонтов. Те, что чуть ближе к столице, считают, будто скарабей катит его по небосклону. Набирает популярность и та точка зрения, что боги вроде Ра несут его на голове, подобно дорожному украшению, или же везут на лодке... Так как же на самом деле? Отец, я убежден, они заврались! Жрецы попросту не знают, что такое Солнце!

Хотя, заметь, даже они начали чувствовать, что их представления не верны, что светило куда важнее, чем у них принято считать. Ведь если не будет Солнца, то не будет людей, а если не будет людей, то кто же тогда станет служить их бесчисленным богам? И вот, при твоём прадеде священнослужители решили, что Амон – владыка не только воздуха и бескрайнего неба, но еще и „невидимого Солнца“! Казалось бы, наконец-то небесному светилу хотя бы отчасти „дозволили“ быть божеством, но, отец, это же бред! Что значит „невидимое...“? Опять это понятно только жрецам! А как же видимое Солнце? Да и разве может меняться сфера ответственности бога по решению священников?!

Я глубоко убежден, что они обманывают нас. А ты потакаешь, вот построил едва ли не самый крупный храм Амона. Они тебе врут!»

Так говорил Аменхотеп IV своему отцу Аменхотепу III, но тот не отвечал, поскольку был тяжело болен. Вот уже четыре года, как паралич разбил владыку Египта.

Аменхотеп III очень любил своего беспокойного младшего сына, который, по логике вещей, никогда не должен был стать фараоном. Но всей своей жизнью Аменхотеп IV – будущий Эхнатон – то ли разрушал, то ли, напротив, восстанавливал эту самую логику. Его старший брат Тутмос умер от внезапной болезни, потому черед все-таки дошел до младшего. В достаточно юном возрасте он сел на трон вместе с нездоровым отцом. Впрочем, пока Аменхотеп III был жив, народ Египта даже не догадывался, что ими уже правит кто-то другой.

«Отец, скажи мне, разве жизнь не стала лучше для всех? Прежде люди не понимали и боялись всевышних. Может быть, потому и боялись, что не понимали. Для каждого, кто задумывался о них, даже для жрецов, связанная с богами мифология была слишком сложной и неоднозначной. Образы всемогущих сплетались в нераспутываемый клубок. Непознаваемый, непредсказуемый конгломерат. Потому это были скверные союзники, на которых нельзя рассчитывать. „Клубок“ не удавалось даже любить, только бояться.

Я обратил внимание вот на что: если сонм богов образует таинственное множество, образы и деяния которого находятся за гранью понимания, то не имеет большого значения,

сколько их в пантеоне. Их могут быть тысячи, если считать номовых божеств, могут – сотни, десятки или всего несколько. Но стоит весь этот клубок заменить на одного-единственного всевышнего, как все становится на места! Я понял это однажды утром, когда меня разбудило восходящее Солнце, когда мне явился мой бог Атон! Когда Атон проник в меня!

Атон ясен как свет, неизбежен как восход, а главное, он здесь, он в Египте, он во мне! Отец, мне пришлось все делать заново. Я снес те храмы, которые ты повелел возвести, я распорядился стереть имена и уничтожить изваяния старых богов, я приказал преследовать их культы. Все прежние священники были разогнаны. Ты знаешь, хоть они и не понимали, кому служат, но их вера оказалась истинной – мало кто из старых жрецов согласился отвергнуть Амона и служить Атону. Тех, кто мне возмущенно отказал, я отпустил с миром. Тех же, кто принял мое предложение, я приказал жестоко казнить.

Мне пришлось стереть даже имена прошлых правителей, пребывавших в заблуждении. Прости, но и нашего с тобой имени – Аменхотеп – больше не существует. Меня отныне зовут Эхнатом – „угодным Атону“.

Я вынужден был обновить все, весь Египет, всю жизнь, происходящую под Солнцем во славу Атона. И посмотри, величие нашей династии не прервалось, страна продолжает процветать. Я возвожу новые святилища и новые города. Мое главное детище – „дом Атона“. Этот храм будет куда

крупнее твоего, посвященного Амону!

Кстати, отец, столица больше не в Фивах. Я строю новую, Ахетатон — „небосвод Атона“ — город солнца! Я возвожу его там, где раньше не было ничего. Место выбрал сам бог, указав мне солнечным лучом. На каждой улице в городе будут алтари, которыми сможет свободно пользоваться человек любого происхождения! Больше нет диктата жрецов, каждому позволено общаться с Атоном, перед которым все равны! И богу Солнца теперь служат не в тенистых храмах, а под его же блистательным светом!

Знаешь, отец, в моем новом Египте будет жить новый человек. Да, должен тебе сказать, что помимо всего прочего я создаю нового египтянина! Прежняя общественная структура не могла выдержать таких реформ. Мне пришлось сместить всех придворных и вельмож, всю служивую знать. Я стер грань между городом и деревней, уничтожил расстояния...

Отец, ты — великий правитель, один из самых славных в истории страны, но даже при тебе в Египте не было того народного единства, которое достигнуто при нас с Атоном! Согласись, раньше в разных нomaх почитали своих богов. Жрецы постоянно спорили по поводу того, как правильно совершать культы. Все время возникали распри и обвинения. Этого больше нет и быть не может!

Еще я реформировал язык, сделав его более простым и ясным, искоренив диалекты. Дал людям новое время, заново

начав летоисчисление в своем новом Египте. Страна дружна! Едина, как никогда!

А наши соседи – цари Митанни и Вавилонии – покорны и доброжелательны. Кстати, отец, ты много золота давал им за дружбу. Я считаю, что мир с нами в первую очередь в их собственных интересах, а потому плачу все меньше. Кроме того, ты можешь видеть, как много у меня сейчас расходов на обновление государства. Честно говоря, я бы в одностороннем порядке аннулировал этот установленный вами „налог“, который сильный почему-то платит слабому, но не хочу пока обострять отношения. Чужие люди, не разделяющие нашей веры, могут отреагировать необдуманно. Мой же план состоит в том, чтобы со временем распространить веру в Атона и на их земли».

Так говорил Эхнатон своему отцу Аменхотепу III. Последний уже не мог не только ответить, но даже слышать сына, ведь голос не доносился до царства мертвых, даже если говорит фараон. Многие прежние вельможи, служившие еще отцу, будучи отлученными от двора, шепотом возносили хвалу Осирису за то, что Аменхотеп-старший не видит, как по воле любимого сына исчезает его Египет.

«Отец, посмотри, как хорошо! – сказал Эхнатон, стоя у окна своего дворца и глядя на ослепительно-белый Ахетатон. – Какая красота! Сколько прекрасных одинаковых домов, напоминающих каменный блок. – Фараон руками по-

казал параллелепипед своему невидимому собеседнику. – Пойми, они должны быть одинаковыми, потому что перед Атоном все равны! Только несколько дворцов и храмов возвышаются в столице.

Атон, взгляни на мой дворец. Это настоящее чудо! Самое большое здание из тех, что возводили люди. Все стены и колонны расписаны моими художниками. А какие изразцы?! У входа стоит мое изваяние в золоте, но даже оно сделано во славу тебе, а не мне!

Да, отец, я создал совершенно новое искусство! Старые каноны не могли соответствовать красоте и величию моего замысла. Если, с одной стороны, перед Атоном все равны и сам он един, то есть одинаков для каждого, а с другой, искусство – это взгляд с точки зрения всевышнего, значит, владыка Египта должен изображаться так же, как простолудин: без прикрас, гипертрофии и условностей. Прежде художники ваяли всех богов с лицом текущего правителя, а членов нашей династии рисовали идеальными исполинами, возвышающимися над остальными. Мои новые творцы каждого изображают, как он есть, реалистично. В том числе и Атона – в виде кружка с лучами, солнечного диска. Откуда предки взяли, будто бог похож на человека? Что за странное заблуждение?!

К сожалению, старые зодчие и художники не смогли справиться с новым искусством. Мне пришлось разогнать их, как жрецов, вельмож и многих других. Но найти новых творцов

оказалось легче легкого — я набрал их из народа. Те, кто никогда не учился этому ремеслу, кому не вдалбливали символические условности канона, способны только на то, чтобы воспроизводить жизнь непосредственно. Такой, какой ее видишь ты, Атон. Именно это мне и было нужно! Я всячески способствую любому творчеству, поскольку через живописцев и скульпторов ты разговариваешь с людьми.

Отец, признайся, можно ли было в твоё время представить портрет правителя, целующего свою супругу или держащего дочерей на руках? Но посмотри, таких рисунков полно в моём новом дворце. А больше всех этот, — Эхнатон указал рукой, — на котором моя жена, прекрасная Нефертити, сидит у меня на коленях и болтает ногами.

Видишь, больше нет непреодолимой дистанции между правителем и простолудином, как нет её между правителем и богом. Повелитель стал человеком, и бог стал повелителем!

Атон, не так давно я провозгласил тебя действующим владыкой Египта. Всем писарям приказано рядом со словами „Солнце“ и „Атон“ указывать „жив и здоров“, как это принято при упоминании властвующего правителя. Никакой разницы между нами с тобой более нет. Как нет разницы между небом и землей. Ты видел „дом Атона“, который я построил для тебя? Это самый крупный и самый богатый из всех храмов! И весь город, мой Ахетатон, возведен по тем же планам, что и твой дом. Столица повторяет пропорции храма

с точностью до подобия. Как бы я хотел никогда отсюда не уезжать!»

Так говорил Эхнатон, и его самого эти слова приводили в недоумение. Он не понимал, почему обращается то к отцу, то к Атону. Поразмыслив над содержанием разговора, фараон растерялся еще больше. Для чего всевидящему светилу описывать то, что и так простирается перед его взором? С другой стороны, зачем говорить с умершим, будто он может услышать? Однако подобные разговоры Эхнатон вел изо дня в день и ничего не мог с собой поделать. Он постоянно размышлял о своем новом положении и тех переменах, которые происходили его стараниями. Наполненный мыслями о них, фараон воспринимал себя не столько как правителя, сколько как сына, а значит, беспрестанно думал об отце. Равно как и об Атоне, которого ощущал в себе или себя – в нем. Сын, отец и бесплотное божество – эти три сущности сосуществовали как нечто единое, но одновременно и обособлялись в его сознании.

«Отец... Да подожди ты, не уходи... Отец, вот уже несколько лет я безвылазно живу в Ахетатоне, и уехать нет никакой возможности. Это опасно – меня могут убить за пределами моей столицы. Все враждебны! Все ненавидят! Понимаешь, прежние вельможи злятся за то, что я лишил их власти. Ходят слухи, будто недавние жрецы Амона, Тefнут, Геба, Исиды и прочих мнимых богов уже назначили награду

за мою голову. Они посягнули на своего владыку! Меня не любят даже простые люди. Они продолжают верить в тех, в кого привыкли. В кого верили их отцы и деды...

Если здесь, в Ахетатоне, кто-то еще способен услышать и понять мои речи, то в провинции ни один человек не принимает Атона. Да и из столицы многие уехали после того, как... Раньше считалось, что с восходом мертвые просыпаются в своем царстве и следуют за светилом по преисподней. Я же рассказал, что теперь они все устремляются в Ахетатон. Как только простые столичные жители узнали об этом, они принялись проклинать меня и едва не закидали камнями. Я объяснял, что в этом нет ничего страшного, что все мы едины и мертвые никого не обидят, но люди не стали слушать, а сразу ушли из города.

Отец, прости, тревожные новости мне приносят из пограничных земель. Мои прежние подданные и союзники грабят нашу страну. Мы почти утратили владения близ Вавилонии и Митанни, но это еще полбеды... Наш давний и могущественный враг, хеттский царь, пошел в наступление, и митаннийцы, прикрывавшие нас прежде, более не помогут. А что я могу поделать, когда мои люди не верят в меня и мое Солнце? Как я могу думать о далеких кампаниях, когда сейчас здесь мои египтяне теряют бога?.. Я даже армию не могу отправить навстречу хеттам, потому что тогда меня убьют во дворце.

Отец, прости, из-за меня страна утратила все то, что бы-

ло завоевано многими поколениями славных правителей... Больше нет того богатства... Пытаясь построить новый Египет, я уничтожил старый. Я опозорил нас всех».

Так говорил Эхнатон, обращаясь к старику, просящему милостыню возле дворца. Раньше фараон не потерпел бы побирушку в своем городе Атона, но теперь ему было не в чем упрекнуть нищего.

Важно другое. Как родной отец не слышал Эхнатона, когда тот обращался к нему, как глух был Атон, так и старик не внял его речам. Пораженный тем, что к нему подошел богоподобный правитель, несчастный потерял сознание. В отличие от большинства соотечественников, он верил фараону и почитал его как Солнце.

«Отец, я должен сказать тебе...» – но последние слова Эхнатона не сохранились. Как не сохранились и другие его высказывания. Каждая мысль, каждая идея, каждое дело, каждое строение фараона-еретика и весь город Ахетатон были стерты с лица земли сразу после его насильственной смерти.

Ресторан

Подавляющее большинство тех, кто, узнав об этом заведении, страстно захотел его посетить, ждало разочарование. Слухи о ресторане распространялись довольно стремительно, но его известность достигла апогея, когда он был уже закрыт. Говорят, что до сих пор какие-то люди приезжают посмотреть, где он некогда располагался. Я, признаться, тоже страстно хочу там побывать, но никак не могу отыскать это место. Более того, сколько я ни пытался, мне не удалось найти никого, кто бы действительно туда приезжал после закрытия. Если вдуматься, то это загадочная история: сейчас уже ходят слухи о тех людях, которых молва о ресторане привела туда, где он якобы располагался...

Отдельный вопрос состоит в том, что движет такими «туристами», если, конечно, мы допускаем, будто они существуют? Предположу, что эти люди хотят вовсе не посмотреть на останки заведения, не прикоснуться к стенам, ставшим свидетелями нашумевших событий, но скорее взглянуть на окрестности, которые, в свою очередь, наблюдали посетители этого ресторана. Если говорить более высокопарно, то, по-моему, им интересно увидеть мир глазами бывших гостей.

Идея этого места – а, согласитесь, за редким заведением общественного питания стоит какая-то идея, более содержа-

тельная, чем желание владельцев обогатиться, – была оригинальна и по-своему прекрасна. Мне особенно жаль, что до сих пор никто даже не попытался ее повторить. Хотя это нетрудно понять – рестораторы боятся. Причем боятся, по всей видимости, достаточно сильно, если это чувство заставляет их отказываться от уже известной, проверенной и доходной, хоть и несколько хлопотной, идеи. Ведь заведение приносило немалую прибыль, несмотря на весьма странное и даже, пожалуй, неудачное расположение.

С уверенностью можно сказать, что подходящим местом для такого ресторана был бы центр какой-нибудь европейской столицы – Лондона, Парижа, Берлина, Вены... Трудно себе представить, как видоизменилась бы вся эта история, если бы он там и располагался. От посетителей бы наверняка не было отбоя. Это точно! В результате сложилась бы совсем другая, вероятно, даже более драматичная ситуация. Но не будем гадать. В действительности заведение находилось где-то в ближайшем пригороде Рима, около двадцати километров от кольцевой, едва ли не на Фламиниевой дороге.

Подобное расположение кому-то тоже покажется довольно выигрышным, но это – глубокое заблуждение. Здесь ресторан не мог стать особенно популярным. Редкие путники, едущие в Вечный город, останавливались на обед или ужин, будучи на столь смехотворном расстоянии от пункта назначения. То же самое можно сказать и о тех, кто покидал Рим: они только выехали. Надежда оставалась лишь на то, что, ко-

гда по направлению к городу выстраиваются пробки длиной в несколько десятков километров – а это происходит почти каждый будний день, – кто-то из водителей проголодается или попросту не выдержит бессмысленного сжигания бензина. Тогда, быть может, он завернет в уютный внутренний дворик ресторана, но тут возникали другие проблемы. Во-первых, манящий уют дворика невозможно оценить с дороги. Но главное, если кто-то все-таки заходил внутрь, случайные посетители быстро покидали заведение из-за крайне высоких цен. Нет, только люди, приезжавшие сюда специально и знавшие, чего они хотят, могли оценить это место по достоинству. Уж слишком необычным оно было.

Головокружительный ресторан отличался уже тем, что в нем совсем не было меню. Пожилая религиозная чета владельцев решила положить это в качестве принципа – здесь могли исполнить любое кулинарное желание клиента. Согласитесь, теперь становится ясно, почему усталым людям, вырвавшимся из пробки, такое заведение было ни к чему: они желали конкретный и недорогой панини с супом папа помодоро или карбонару. Зачем им переплачивать за дорогостоящий выбор из всех мыслимых яств подлунного мира? Они не хотели фантазировать, они были голодны.

Это принцип – «выполним любое кулинарное желание» – звучит достаточно монументально, хотя на поверку в нем нет чего-то запредельного, невыполнимого и даже особенного. В наш век холодильников и Интернета на деле это нена-

много сложнее, чем на словах. Благодаря Всемирной паути-не рецепты каждого известного кулинарии блюда во всем их немыслимом многообразии доступны поварам, причем с вариациями. Остается лишь поддерживать постоянный запас разных, в том числе и редких, продуктов, которые могут понадобиться. Если говорить, например, о мясе, то хозяевам требовалось хранить не только говядину, свинину и конину, но и, скажем, буйволятину, слонятину и даже тушки змей. Из птицы – не только курицу, но и голубей на тот случай, если заказчик пожелает фрикасе из последних, а также овсянок, соловьиные язычки и многое другое. Аналогично с рыбой, сырами, овощами, фруктами и всем остальным.

Уровень развития холодильной техники, а также множество камер с разной температурой позволяли сохранять все продукты довольно долго. Да многие вещи приходилось подвергать повторной разморозке. Мясо здесь не готовили «еще теплым» – такими обещаниями привлекали клиентов в других дорогих ресторанах. В этом же заведении основным свойством была вовсе не свежесть ингредиентов. Чем-то приходилось жертвовать во имя абсолютной кулинарной универсальности. Однако не беспокойтесь: разумеется, как только продукты начинали портиться, их мгновенно выбрасывали и заменяли новыми.

Трудно было хранить только отдельные ингредиенты – скажем, двадцать четыре вида молока. Правда, как раз они по большей части все-таки расходовались, а не шли в помой-

ку. На худой конец в томатный суп-пюре наливали не коровье, а верблюжье или даже молоко антилопы-канны. Блюдо от этого только выигрывало в смысле жирности и насыщенности вкуса, а продукт удавалось использовать.

Иными словами, идея такого фантастического ресторана оказывалась не то что реализуемой, но, пожалуй, даже довольно незатейливой. Конечно, все равно приходилось выкидывать три четверти ингредиентов, но цены-то были завышены вдесятеро, чтобы это скомпенсировать. Так что убыточным заведение не было. Пусть зал и не ломился, но штучные клиенты сюда приезжали постоянно. Напротив, когда клиенты занимали, например, только три стола из двадцати четырех, не считая веранды и внутреннего дворика, это придавало дополнительный шарм. Гости получали возможность насладиться плодами своей фантазии и труда поваров в атмосфере сладостного, нетомительного одиночества. Принимая во внимание качество интерьера и обслуживания, посетители почти физически ощущали нарочитую элитарность заведения, а также необыкновенность своей трапезы.

Впрочем, число клиентов прирастало. По неведомым причинам через неделю после открытия необычное заведение попало в великое множество туристических путеводителей, несколько светских журналов и парочку профессиональных изданий кулинарного и ресторанного сообществ. Хозяева ломали голову, как такое могло произойти, тем более что количество статей о них превосходило число клиентов, кото-

рых они успели на тот момент обслужить. Более того, никто из посетителей никогда не сообщал им, что он, дескать, ресторанный критик, потому его необходимо накормить бесплатно и как можно лучше... Еще одна загадочная история.

Проблемными для поваров становились разве что те блюда, приготовление которых включало фазу квашенья, вяленья, настаивания, маринования, засолки и тем самым, согласно рецепту, требовало много времени, вплоть до нескольких месяцев или даже лет. Поначалу хозяева решили, что им все-таки необходимо иметь в наличии хамон, хакарл, мохаму, пршут, копальхен и домашнюю бастурму, но потом стало ясно, что даже в числе гурманов – а именно это, очевидно, основная клиентура – почти никто не знал некоторых из этих слов. Те же, кому они все были известны, приходили сюда отнюдь не за «мясной тарелкой». Так что такие продукты могли понадобиться разве что в качестве ингредиентов, но и суп сальморехо или испанский гороховый суп с хамоном никто так ни разу и не заказал.

Желания людей оказались шокирующе банальными и однотипными. Казалось, любители вкусно поесть получали прямой доступ непосредственно к собственной фантазии, но сколь же ограниченным оказался круг вожделенных блюд... Большинство гостей были европейцами, потому они преимущественно интересовались кушаньями из азиатской, реже – восточноевропейской кухни. С одной стороны, пределом изысканности оказывались малайские супы или мясо, при-

готовленное по вьетнамским и камбоджийским рецептам. В то же время на вкус большинство «гурманов» даже не чувствовало их отличий от лаосских и филиппинских вариантов тех же блюд, тогда как на поверку нюансы были выражены довольно четко – специализировавшийся на них повар придавал этому особенное значение.

С другой стороны, «противоположным» пределом воображения стали шокирующие блюда, которые люди хотели отведать не ради вкуса, а чтобы испытать себя. Но и тут фантазия не уходила дальше жареных тестикул и разных глазных яблок. Ничего интересного для повара в этом не было – приготовить их значительно проще, чем, скажем, лаксу.

Заезжие азиаты вообще рассматривали принцип ресторана в ключе местного кулинарного колорита и считали, что здесь можно попробовать в лучшем случае любое итальянское блюдо, а в худшем – любую пищу. Ходят слухи, будто первый повар заведения спился из-за разочарования в людях – работая в таком ресторане, ему приходилось слишком часто варить пасту. Впрочем, это тоже скорее легенда, нежели быль.

Принцип заведения оставался неизменным – клиент мог отведать все что угодно, стоило только заказать и оплатить. Были, конечно, и те, кто приходил поиздеваться. Они требовали несуществующие блюда, давая им вымышленные названия. Но кулинария – это сфера порядка и вкуса, в том числе и в художественном смысле. Потому, как только офи-

циант слышал о ястве из акулы с мошонкой павиана, шафраном и медом, насмешники немедленно изгонялись навсегда. Как выясняется, быть может, именно это спасало им жизнь.

Ресторан просуществовал недолго, примерно полгода, и за это время погибло около тысячи человек. Закономерность заметили далеко не сразу, да и можно ли было ее углядеть – больше трети клиентов, отужинав, продолжали свое путешествие. Их тела обнаруживали впоследствии в самых разных уголках Италии, а то и мира. Если бы оставшаяся часть не возвращалась в Вечный город, создавая тем самым некую статистическую пучность, заведение, возможно, работало бы до сих пор.

Так или иначе, но следственным органам Рима удалось установить, что каждый человек, совершивший здесь именно вечернюю трапезу, на следующее утро уже не просыпался. Разумеется, во всем сразу обвинили хозяев. Ресторан представлял собой типичное итальянское семейное дело, в которое было вовлечено множество родственников. Владельцами, как я уже говорил, выступали пожилые люди – отец и мать семейства.

Когда обвинение было предъявлено, хозяин не мог поверить в происходящее с ними, равно как и в то, что, по утверждению прокурора, уже произошло, причем именно по его вине. Перед стариком рыдали какие-то женщины – сестры, жены и матери тех, кого он якобы убил. Братья, мужа и отцы грозили ему и его домочадцам расправой. Разумеется, он все

отрицал, поскольку и правда не был виноват ни в чем, кроме того, что решил открыть собственный ресторан. Случившееся он постоянно называл совпадением, однако в таком случае это, вне всяких сомнений, было самое феноменальное стечение обстоятельств во Вселенной, если принять во внимание его вероятность, а также тот факт, что не было ни одного исключения – ужин не пережил никто! Единственное совпадение можно счесть еще более головокружительным и редким – это то, которое привело к возникновению мироздания, как такового. Искренняя растерянность старика всерьез смущала судью и присяжных.

А как плакала хозяйка, когда уводили ее детей и внуков!.. Разумеется, в тот момент она сразу взяла все на себя, хотя тогда уже никто не верил в виновность стариков и их родственников. Сколько ни обыскивали помещения ресторана, сколько ни расспрашивали всех членов семьи, их поставщиков и прочих свидетелей, ничто не указывало на причастность владельцев и сотрудников. Равно как ничто не наводило на мысли о каких-то других подозреваемых. И тогда я понял: единственное, что можно здесь доказать, это то, ради обоснования чего тщетно клали свои жизни еще средневековые богословы, а также более поздние деятели теологии и религиозной философии. Мне представляется, что трагедии, берущие свое начало в предместьях Рима, убеждают нас ни в чем ином, как в существовании бога. Вдобавок после всей этой истории можно наконец с уверенностью говорить

о том, что он неравнодушен к людям и даже внимательно за нами наблюдает. Время пришло! Споры о том, существует ли всевышний, закончены! Из предмета веры этот факт превратился в неоспоримую истину. А ведь даже те, кто и прежде не сомневался, вряд ли могли допустить, что бог, например, читает наши книги, что он обращает внимание на людские поверья и предрассудки, что он тоже впитывает культуру человечества...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.